

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

Николай Губенко

вы, случается и наоборот. Добрая половина нашего кинематографа — это ученики Герасимова. Не случайно Сергея Аполинариевича считают режиссером нестареющим. Он все время с молодежью. Он много дает ей, но и молодежь, если в ней, как говорится, есть «искра божья», мастера обогащает.

В течение многих лет Герасимов поддерживает те начала, которые он открыл в ученике, как в актере или режиссере, делает все, чтобы они крепки.

Если внимательно присмотреться к работам герасимовцев, становится очевидным их пристрастие к реализму мышления. Им чужды изыски, ненужные красоты. Они возделывают землю. Понимаете? Чернозем, глину, песок — все, что угодно. И сами они всегда стоят на земле. Тот же Бондарчук, Кулиджанов...

Да все, пусть с разной долей успеха. Но это уже зависит не от учителя.

— Какие перспективы лично перед Вами открывает постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию советской кинематографии»? Какой главный урок извлекаете Вы из него?

— Необходимость осмыслить то время, в котором ты живешь. Отстаивать свои

идейные убеждения, партийность своего искусства.

Когда-то я думал, что буду снимать только то, что было со мной в детстве, в юности. Я мог бы, наверное, сделать фильмы о детдоме, интернате, где меня поставили на ноги, о людях, что давали мне уроки жизни. Но я обратился к сегодняшнему дню, чтобы попытаться определить слабые, из которых состоит жизнь моего поколения, и что в ней главное.

В своем новом фильме я хочу проследить историю отношений двух очень хороших людей, безмерно любящих друг друга. Кажется, что возможность конфликта между ними исключена. Но он возникает. Помимо личного, неразделимого в основе своей, есть у каждого из них то, без чего они жить не могут. Это дело, которому они себя посвятили. Случается так, что оно отнимает их друг у друга.

В недавно принятом постановлении ЦК КПСС, посвященном киноискусству, я хочу выделить такое нововведение, как договорные отношения между киностудиями и режиссерами-постановщиками. Перевод режиссеров на договорные условия предполагают, мне кажется, большие перемены в судьбе художника и, значит, кинематографа в целом. Что

тавили по три-четыре фильма (а могли бы и по двадцать-тридцать) и тем не менее остались на уровне «молодо-зелено».

Самый интересный для меня режиссер — Панфилов. Важно, что он все время думает об аудитории, о зрителе. Он, я знаю, считает: мало личной удовлетворенности своим произведением, необходимо, чтобы оно зрителя захватило.

И еще. Панфилов может отойти в сторону, увлечься чем-то, но он до конца остается верен стремлению — пусть маленьким эпизодом своего фильма, но коснуться современности. Я хотел бы быть таким режиссером, как Глеб Панфилов, правда.

Мне очень дорого то, что делает в кино Шукшин — не буду петь дифирамбы его талантам писателя, режиссера, актера. Хочу сказать только то, что более всего ценим в нем — необходимость постоянно жить тем, чем живет народ, страна. У Шукшина я многому научился. Прежде всего способности отстаивать свою точку зрения, думать так, как думается, не опасаясь того, что скажут: это старо, а этого — нельзя.

— Вернемся к Вашей актерской профессии. Как Вы считаете, что в первую очередь необходимо актеру, когда он выходит за порог «школы»?

— Уверенность в своих силах. Вся его судьба в дальнейшем будет зависеть от его умения вбирать в себя сегодняшний день, пропускать его через себя, творчески перерабатывать и отражать со сцены или экрана, снабжая своей личной, смысловой окраской. Важно не быть безразличным к тому, что происходит вокруг.

Герасимов и Макарова выпускают, а бы сказал, актеров-оптимистов. Они дают ту уверенность, без которой немислим труд актера. Когда я выходил за порог ВГИКа, я верил, что все мои актерские дела пойдут хорошо. Я просто не решался думать иначе...

— Почему Вы выбрали для своего дебюта в режиссуре именно сценарий Шукшина «Пришел солдат с фронта», а не какой-либо другой?

— Я не выбирал этот сценарий. Я его сразу предложил. А начал с этой работы вот почему. Наверное, почти каждый человек, не знавший войны, задумывается о тех, кто отстоял его жизнь, дал возможность любить, страдать, радоваться... Какими были те, на которых пало тяжелое испытание войной? И что у нас общего с людьми сороковых годов?

Я никогда не перестану преклоняться перед теми, кто пожертвовал собой во имя каждого из нас. Сколько погибло их — ровно столько ушло из жизни добрых, красивых людей. Вы представляете, если бы на земле сейчас было на двадцать миллионов больше добрых людей?..

Мой отец погиб в сорок первом, когда я еще не родился. А матери не стало, когда мне было одиннадцать месяцев. Я не знал их. Но каждый человек имеет ощущение родни, самой близкой. Люди, благодаря которым мы выжили, в моей памяти приравнены к отцу и матери.

Почему я взялся за эту картину?.. Нельзя не говорить о том, что больше всего волнует тебя...

Беседу вел
Т. МАРШКОВА.